УДК 821.161.1

Е.В. Титова
Вологодский государственный университет

ПИСАТЕЛЬ И ЛИТЕРАТУРОВЕД ВИКТОР АЗРИЭЛЕВИЧ ГРОССМАН (1887–1978): ВОЛОГОДСКИЙ ЭТАП СУДЬБЫ И ТВОРЧЕСТВА

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта ПФКИ, проект № 22-2-007242 «Неизвестный Гроссман»

К 135-летию со дня рождения В.А. Гроссмана

Статья представляет основные этапы творческой деятельности вологодского пушкиниста, литературоведа и писателя Виктора Азриэлевича Гроссмана, содержит характеристику его наследия, круга общения, мировоззренческих позиций, приемов изучения пушкинских произведений, истории создания романа «Арион» и «Этюдов о Пушкине» и обозначает необходимость издания избранных сочинений данного автора.

Гроссман, Виктор, вологодский, пушкинист, Пушкин, этюды, рукописи, писатель, литература.

Виктор Гроссман подростком встретил начало нового XX века, а как адвокат, писатель и драматург, историк литературы и театра, пушкинист и преподаватель активно проявил себя уже в 1920–1930-е гг. Однако оказался незаслуженно забытым. И столетие спустя его нередко путают с создателем романа «Жизнь и судьба» Василием Гроссманом, а также с родственником – литературоведом Леонидом Гроссманом, автором книги «Достоевский» в серии ЖЗЛ. В Вологде почти не осталось тех, кто знал Виктора Азриэлевича лично, слушал его лекции, бывал у него в гостях. Его рассказы о себе помнят Е.В. Дуганова, И.О. Шайтанов. Благодарную память о нем хранили коллеги, ученики, журналисты: В.И. Аринин, И.В. Гура, Ю.В. Бабичева, П.А. Колесников, Г.П. Петелина, Ю.В. Ратников, А.В. Тихонова. Одним из тех, кто получил в свое время представление о научных интересах и литературно-художественных достижениях В.А. Гроссмана, вошел в круг его общения в свои молодые годы, стал и почетный профессор Вологодского педагогического университета (сейчас ВоГУ) Исаак Абрамович Подольный (1929–2017). Именно по его инициативе объединенными усилиями единомышленников из числа вологодских книголюбов в начале XXI века были выпущены пять изданий с этюдами о Пушкине В.А. Гроссмана и краткими биографическими очерками об авторе. К сожалению, широкому кругу читателей и специалистов, учителей литературы эти издания оказались недоступными по причине маленьких тиражей (от 40 до 300 экз.).

Судьба В.А. Гроссмана до вологодского периода жизни необычна и одновременно вполне вписывается в историю русской интеллигенции XX века, заставшей в сознательном возрасте эпоху трех революций, Гражданской войны и сталинских репрессий. Родился в Одессе, сумел получить блестящее образование: была окончена с золотой медалью Пятая Одесская гимназия, затем филологический и юридический факультеты Новороссийского Императорского университета, в 1905–1907 гг. учился в Лейпциге, слушал лекции в Сорбонне. С 1912 г. В.А. Гроссман находится в Москве, он проявляет себя в адвокатуре, в 1920–1924 гг. работает в Народном комиссариате рабоче-крестьянской инспекции и юрисконсультом в Народном комиссариате внешней торговли – именно в этот период он оценивается как человек, способный занять одну из высших государственных должностей. Вскоре становится действительным членом Института советского права, куда представляет научную работу на тему «История авторского права в России», и получает профессорское звание в Московском промышленно-экономическом институте. Увлечение литературой и театром, начавшееся в Одессе, вовлекает его в творческую, художественную, театральную среду, с 1930 г. он уже преподает только историю русской литературы и историю русского театра в разных высших учебных заведениях г. Москвы, в том числе с 1936 г. – в ГИТИСе. Параллельно работает в Гослитиздате старшим редактором отдела классики, рецензирует собрания сочинений Сумарокова, Ломоносова, Тредиаковского, а также издание «Рисунки поэта» А. Эфроса. Популярной становится и собственная книга В.А. Гроссмана «Дело Сухово-Кобылина» (1936), написанная в ответ на книгу Л.П. Гроссмана «Преступление Сухово-Кобылина» (1928): хотя Виктору Азриэлевичу так и не удалось получить архивные материалы от проживающей во Франции дочери драматурга XIX века, он все же сумел собрать неопровержимые доказательства невиновности Александра Васильевича Сухово-Кобылина (1817–1903), обвиненного в убийстве женщины, и даже указал на истинных преступников.

В середине 1930-х гг. В.А. Гроссман заведует литературным отделом Московского художественного театра, пишет пьесы по пушкинским произведениям. Спектакли по роману Пушкина «Дубровский» в сценической переделке В.А. Гроссмана идут в 24 театрах страны. В это же время он редактирует двухтомный труд В.В. Вересаева «Спутники Пушкина» (1937) и

пишет к нему вступительную статью. 25 сентября 1937 г., накануне своего 50-летия, автор, литературный путь которого начался еще при благосклонном внимании В.Г. Короленко, был принят в Союз писателей СССР.

В.А. Гроссман в молодости.
Личный архив семьи В.А. Гроссмана

Но на научной, преподавательской и писательской карьере Виктора Гроссмана был поставлен крест: дважды он подвергался репрессиям (1938–1946; 1948–1955) и на протяжении пятнадцати лет оказался «изъятым из обращения». В 1938 г. в Москве причина ареста была политической: ему «припомнили» то, что еще до революции 1917 г. он был избран гласным в Московскую думу от партии эсеров. А в Вологде в ночь с 3 на 4 мая 1948 г. В.А. Гроссман попал в число «повторников»: так позже стали называть тех, кого репрессировали опять по тем же основаниям.

У знавших его в то время людей, да и у самого В.А. Гроссмана, возникло еще и четкое убеждение, что главными причинами нового ареста послужили, во-первых, особое понимание им пушкинского романа «Евгений Онегин», не согласующееся с идеологическим принципом изучения этого произведения в школе и в вузе, а во-вторых, те опыты в пушкинистике, которые еще в начале 1930-х гг. обсуждались на Пушкинской комиссии АН СССР и получили высокую оценку таких выдающихся специалистов, как С.М. Бонди, Д.Д. Благой, Н.К. Гудзий, Г.О. Винокур. В Вологде Виктор Азриэлевич стал готовить их к печати в виде сборника статей о Пушкине.

Позднее В.А. Гроссман вспоминал: «Следователи за неимением другого обличающего материала, стали читать мои исследования об “Онегине”, “Пиковой даме”, “Памятнике”, о “Семейной драме Лермонтова”, докторскую диссертацию о “Русском историческом романе” и множество незавершенных работ, заметок, выписок, справок и прочих сырых материалов, необходимых научному работнику» [4, с. 1].

Кроме того, Виктор Азриэлевич в своих размышлениях о Пушкине предпочитал опираться на черновики поэта, а не классиков марксизма-ленинизма или резолюции советских вождей. В сохранившихся в его фонде набросках и материалах исследований, действительно, нет ни одной отсылки к политическим документам эпохи. Не делал их В.А. Гроссман и в лекциях. Поэтому упреки по поводу безыдейности, аполитичности, неправильных трактовок творчества Пушкина у следователей были.

При аресте в Вологде в 1948 г. изъяли также статью «Политический смысл “Гавриилиады”» вместе с отзывами пушкинистов, материалы для книги «Творческий путь Горького» – это и многое другое из конфискованного в 1938 г. восстановлено автором уже не будет.

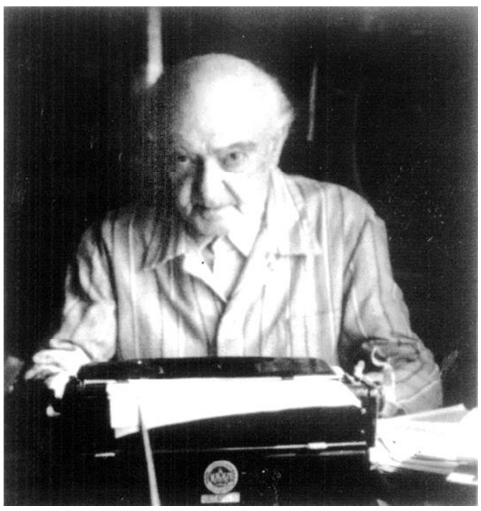
Вологодский этап в судьбе ученого и писателя не был ссылкой. После освобождения из северных лагерей в 1946 г. Виктор Азриэлевич не имел права проживать в Москве или Ленинграде, а в Вологду его привело знакомство с Б.Л. Бердичевским, и он обрел здесь жену и дочь. По рекомендациям коллег-пушкинистов был принят на работу в качестве преподавателя древнерусской и русской классической литературы в Вологодский государственный педагогический институт и внештатным лектором Вологодского областного лекционного бюро. На основе более ранних изучений писатель задумал биографическую повесть об И.А. Крылове: еще в 1930-е годы он заключил договор с московским издательством на книгу о русском баснописце и драматурге в серии ЖЗЛ, но арест в 1938 г. аннулировал это соглашение.

В эти два первых вологодских года в своей судьбе В.А. Гроссман работает и на курсах для учителей, ведет семинар по творчеству Пушкина, принимает выпускные экзамены по литературе. И.А. Подольный именно тогда впервые увидел и услышал Виктора Азриэлевича: «А в комиссии сидит незнакомый седой человек с маленькими умными и добрыми глазками. Он останавливает поток моих заученных слов и просит: “Прочтите, пожалуйста, что Вы любите из Пушкина”» [7, с. 6]. Услышав строки внепрограммного в те годы «Узника», В.А. Гроссман спрашивает, при каких обстоятельствах было написано это стихотворение, и вскоре перебивает примитивный ответ ученика своим рассказом о молодом Пушкине. «Более получаса весь экзаменующийся класс и вся комиссия слушали старика. Экзамен возобновился не скоро» (Там же, с. 7).

Еще 6 января 1947 г. на ученом совете института почти единогласно было принято решение направить в ВАК ходатайство о присвоении вологодскому преподавателю звания профессора. К лету этого года уже были получены положительные характеристики из Москвы, подтверждающие, что В.А. Гроссман давно признан своим в московской профессорской среде, а его лекторское мастерство не вызывает сомнений. Однако в этом звании его утвердить не успели из-за повторного ареста.

Последующие восемь лет лагерных испытаний не превратили Виктора Азриэлевича в осторожного кабинетного ученого. Вернувшись в Вологду в 1955 г. и получив реабилитацию, он и на пороге своего 68-летия не отрекается ни от своего интереса к исследованию творчества Пушкина, ни от избранного им направления в науке. Активно переписывается с различными ли-

цами, от которых зависят судьбы его произведений или с которыми он стремится восстановить творческие связи: С.М. Бонди, К.Л. Зелинским, Е.Ф. Книпович, Л.Э. Разгоном, И.Л. Сельвинским, К.М. Симоновым. Наиболее интенсивна в 1950–1960-е гг. его переписка с друзьями отрочества и юности: журналисткой, писательницей Лидией Григорьевной Бать (1897/1900 –1980) и адвокатом, театральным деятелем Давидом Ионовичем Постоловым (1885–1964). Оба они в тот период живут в Москве.



В.А. Гроссман в Вологде.
Личный архив И.А. Подольного

Несмотря на солидный возраст, В.А. Гроссман много работает как преподаватель, принимает экзамены у студентов-заочников, рецензирует их тетради, читает лекции в обществе «Знание» и, поскольку восстановлен в том же 1955-м в Союзе писателей, взаимодействует с вологодской литературной средой, публикуется в местной периодике. Первоначальная бытовая неустроенность (В.А. Гроссман с женой, дочерью и тестем живет в одной комнате) к концу 1950-х гг. преодолена: из-за случившегося по вине электриков пожара и благодаря поддержке судоремонтного завода, на котором супруга становится заместителем начальника, получена квартира почти в центре города, а в 1961 г. появляется домашний стационарный телефон.

Разнообразие и интенсивность исследовательской и творческой деятельности В.А. Гроссмана с 1955 г. до конца 1960-х гг. поражает. Он сам себе удивляется: «Планов так много, будто мне не 72, а 27 лет» [1] (из письма Л.Г. Бать от 27.09.1959). В фонде писателя в ГАВО содержится несколько машинописных рукописей художественных повестей, набросков к романам, материалы для выступлений о Грибоедове, Батюшкове, Лермонтове, первоначальные размышления на тему «Искусство быть стариком», статьи «Париж», «Допросом музу беспокоя…». Целый ряд рабочих записей, черновиков в архиве В.А. Гроссмана убеждает, что по-прежнему, как и в 1930-е гг., юриспруденция и художественное творчество для него очень значимые и не разнополярные явления. Только теперь его более интересует не правовая, а языковая сторона вопроса. Он готовит материалы для статьи «Литература и адвокатура», которую предполагает включить в книгу «Русское судебное красноречие», адресуясь с ней и к филологам, и к юристам. Сам в совершенстве владея устной речью, он понимал, насколько важны ораторские навыки для адвокатов, защитников на суде. Одна из мыслей оформлена так: «…если бы молодые юристы спросили меня, у кого учиться красноречию, я бы им ответил: учитесь у Достоевского и указал на роман “Братья Карамазовы”» [2, л. 20].

Над пьесой «Пушкин в Москве» (в 4-х действиях, 66 машинописных страниц) В.А. Гроссман работал в 1960–1965 гг. Комментируя ее содержание в письмах к друзьям, автор замечает, что она очень понравилась режиссеру вологодского драмтеатра, поэтому есть надежда на ее постановку. Данных о сценическом воплощении этого текста найти не удалось. Судя по отзыву друзей из Даугавпилса в 1965 г., была у него попытка создания пьесы и о современной жизни.

К неопубликованным или лишь частично опубликованным относятся и мемуарные произведения вологодского пушкиниста.

В воспоминаниях «Московский Художественный театр. Его основатели, деятели и последователи» речь идет о многих известнейших театральных деятелях начала XX века. Поясняя содержание, В.А. Гроссман говорит о своем увлечении зрелищным искусством: «…я много времени отдавал театру, сам играл, писал рецензии, и не пропускал ни одной мало-мальски значительной постановки в Одессе, и потом в Москве» [1] (из письма Л.Г. Бать от 10.11.1961); двумя годами раньше он сообщал тому же адресату, как формировались такие воспоминания: «Вряд ли ты знаешь, что я в течение многих лет в Вологодском Пед.Институте (а раньше в Москве) читал курс “Истории русского театра”. И своим слушателям я много рассказывал об А.П. Ленском, М.Н. Ермоловой, Федоровой и Стрепетовой. Я слышал о ней отзывы К.С. Станиславского…» [1] (из письма Л.Г. Бать от 10.10.1959). Известно также, что В.А. Гроссман после первого ареста был одним из режиссеров лагерного театра [6].

Тема театра вошла и в рукопись мемуаров «В минувшие годы» (объем: 198 машинописных страниц). Но она там не главная и не единственная. Еще в 1959 г., собираясь писать воспоминания не в обычной, а беллетристической форме, автор оговаривает и параллельно возникающий у него замысел книги, которая ставила бы «большие проблемы о роли интеллигенции в революции 1905 г., войне 1914–1917, гражданской войне и октябрьской революции, наконец, эпохи нэпа, репрессий и т.д. вплоть до наших дней» (в письме Д.И. Постолову от 15.10.1959) [3, л. 95]. Разумеется, не все из этого замысла войдет в мемуарную рукопись, но В.А. Гроссман расскажет в ней о годах ученичества в одесской гимназии, о своей дружбе с К. Чуковским, Б. Житковым, встречах с В. Немировичем-Данченко и К. Станиславским, М. Горьким и А. Луначарским, а также о многих других известных людях и ярких событиях своей жизни не только в России. Лишь фрагменты из этих мемуаров появятся в журнале «Север», а отдельную книгу в 1971 г. Северо-Западное издательство откажется выпускать, указав на множество причин (редакционный портфель переполнен, нехватка бумаги и кадровых специалистов) и порекомендовав автору обратиться в одно из

центральных издательств, поскольку в мемуарах речь идет в основном об Одессе и Москве.

Автор не последует совету еще и потому, что и его «Этюды о Пушкине», отправленные в этом же году как раз в центральное издательство «Современник», постигнет та же участь. Но главная причина, по которой В.А. Гроссман уже не будет уповать на издание в Москве, – трудная судьба его романа «Арион».

Этот роман о Пушкине в период южной ссылки, по сути, был создан писателем в неволе, в условиях лагеря – в те годы, которые предшествовали возвращению в Вологду. В.А. Гроссман создает его в своем сознании, закрепляет устными повествованиями, рассказывая о Пушкине товарищам по несчастью. А едва оказавшись в Вологде, спешит изложить все на бумаге, проверив факты и цитаты: в августе 1959 г., несмотря на отсутствие в Вологде белой бумаги и копирок, изнурительную жару, уже готовы десять глав художественного биографического повествования о Пушкине на юге. Заручившись первыми откликами на рукопись, он пересылает роман в издательство «Советский писатель», где текст сначала просто застревает, потом у него меняются рецензенты, которые не совпадают друг с другом в замечаниях и одобрениях. («Арион» действует на моих рецензентов как красная тряпка на быков» [1]). Такие препятствия могли быть вызваны главной целью писателя: изобразив рост творческой личности поэта в период южной ссылки, доказать, что Пушкин и декабристы не были организационно связаны, а по литературным вопросам серьезно расходились. Трудно не согласиться и с такой подоплекой цензурного барьера: «Жанр исторической беллетристики привлекал В.А. Гроссмана возможностью эзоповым языком говорить о текущем дне» [6].

Кроме того, В.А. Гроссман явно отходит в своем романе от примитивного социологизма советского литературоведения середины XX века, поскольку много нового пишет об адресатах любовной лирики поэта. Рецензентов беспокоит и тема таинственных романов Пушкина, и изображение конфликтов с Воронцовым, а по окончании периода «оттепели» осторожность цензоров уже вполне можно объяснить оглядкой на биографию самого автора. И хотя В.А. Гроссман стремится учесть все пожелания, дорабатывает, сокращает, изменяет написанное, получает не одну положительную рецензию от К.Л. Зелинского, с авторитетом которого в издательстве «Советский писатель» считаются, мытарства рукописи продолжаются, а в июне 1960 г., то есть спустя почти шесть лет после начала работы над «Арионом», Виктор Азриэлевич узнает об отказе в публикации.

Автор стойко выдерживает этот удар, выстраивает линию защиты своего произведения, собирается потребовать передать рукописи беспристрастной Комиссии из трех лиц: одного от Союза писателей, другого от партии, третьего от Института мировой литературы. Копию своего письма он готов послать высокопоставленным советским чиновникам Л.Ф. Ильичеву (заведующему Отделом пропаганды и агитации ЦК партии), Е.А. Фурцевой (министру культуры СССР), а также писателю К.А. Федину. Начинается долгая борьба за роман, в которой самой ценной будет поддержка друзей Л.Г. Бать и Д.И. Постолова. Одновременно Виктор Азриэлевич создает второй роман – «После восстания», хотя и понимает: это новое произведение о Пушкине не имеет большого смысла без своего предшественника, и вместе они должны бы составить большую эпопею о жизни поэта от изгнания на юг до женитьбы.

«Арион» все же издадут в 1966 г. (Москва, «Советский писатель»), почти сразу переведут на чешский язык, отдельные главы будут опубликованы и во Франции. В 1967-м уже в «Северо-Западном издательстве» выйдет роман «После восстания».

Роман В.А. Гроссмана «Арион» (Москва, 1966)

Вологодский пушкинист также продолжит исследования, посвященные самым разным стихотворениям поэта, повести «Пиковая дама», роману «Евгений Онегин», отвергнутые цензорами главы романов тоже частично будут оформляться как отдельные биографические очерки. Авторское обозначение всех этих работ – «Этюды о Пушкине», общий характер так определен В.А. Гроссманом: «…я решил набросать без особой системы и порядка все, что сохранилось в моей памяти, все наблюдения и заметы над жизнью и творениями любимого поэта. Доказательств не привожу. Специалист сумеет проверить меня и без ссылок, а неискушенный читатель, если и не будет мною убежден, получит повод задуматься и взглянуть по-новому на то, что привык воспринимать готовым по трафарету» [4].

Отношение к произведению Пушкина у В.А. Гроссмана в этюдах – это проявление отношения к самому поэту, пояснение поэтических строк – уважительный и увлеченный диалог с Пушкиным. Этот диалог не прекращался и в те периоды, когда необходимого справочного материала, книг и новых исследований у В.А. Гроссмана под рукой не было. Восстанавливая на этапе жизни в Вологде утраченные научные работы, в которых заключался опыт его сравнительных наблюдений над черновиками и окончательными вариантами пушкинских строк, автор очень хорошо понимал промежуточное положение таких текстов в литературоведении: этюд – рабочий набросок, подготовительный текст для более монументального и обстоятельного исследования. Но в совокупности этюды о Пушкине В.А. Гроссмана – явление концептуального характера и

по содержанию, и по приемам изучения художественного произведения.

Из книги В.А. Гроссмана «Этюды о Пушкине» (Вологда, начало XXI века). Миниатюрные издания под редакцией И.А. Подольного

Эти приемы открывают читателю три уровня постижения смыслов: психологический (глубина и многозначность проявления личности Пушкина), биографический (конкретные обстоятельства судьбы поэта в момент создания произведения) и лингвистический (язык пушкинской эпохи, современная глухота ко многим смысловым оттенкам слов и речевых оборотов в поэзии XIX века). Собранная к 1966 г. книга «Этюды о Пушкине» включает в себя различные филологические аргументы, согласно которым произведение в целом следует понимать иначе, чем мы понимали его до сих пор, отвергая слишком вольные, нередко допускаемые и в литературоведении, и в иных видах искусства (спектакле, опере) интерпретации его идейно-образного содержания.

В.А. Гроссману в Вологде, разумеется, остро не хватало московского круга общения, той самой среды пушкинистов, в которой он был своим человеком. В конце 1950-х гг. он сожалеет и о том, что ему не удается побывать в Переделкино, увидеться с К.И. Чуковским. Тоска по Москве чувствуется и в таком добром описании Вологды: «Ты хочешь знать подробнее о Вологде. Это обычный северный русский городок, сохранивший на улицах и зданиях следы своей многовековой истории. Здесь есть Кремль, похожий на московский, с такими же стенами, Софийский собор, домик Петра Великого и еще несколько подобных памятников старинной архитектуры. От вокзала к центру идет магистральная улица и параллельно ей течет речка с выразительным наименованием “Золотуха”. Река эта впадает в Вологду посреди города. <...> большинство домов – старые деревянные. <...> можно отыскать следы очень тонкого художественного вкуса в отделке и умного разрешения архитектурных задач» [1] (из письма к Л.Г. Бать от 3.07.1958). В 1960 г., правда, сообщает Д.И. Постолову: «В Вологде у меня собрался небольшой кружок культурных людей, которые ко мне хорошо относятся и ценят во мне литературоведа и писателя. Так что я даже не могу жаловаться на творческое одиночество» [3, л. 78], но уже через три года у него возникает совсем иное ощущение: «…творческое одиночество, духовный вакуум у меня не заполнены» [1] (из письма Л.Г. Бать от 27.07.1963).

Восстановленный в Союзе писателей В.А. Гроссман оказался востребован при создании Вологодской писательской организации, вошел в ее актив наряду с С.В. Викуловым и В.В. Гурой, это подтверждают и документы архивного фонда Вологодской писательской организации. И.О. Шайтанов, однако, комментируя этот факт, отмечает: отцом-основателем Виктор Азриэлевич быть не стремился: «Помню, уже девяностолетний <…> Гроссман жаловался: “Открепили меня от Москвы, даже не спросив, хочу ли я этого. Сначала ко мне все ходили. А потом перестали”. До конца у Гроссмана собиралась интеллигентная молодежь, а вот в новой вологодской литературе старик не пришелся ко двору» [8, с. 30].

К дежурно-юбилейному вниманию к себе писатель относился негативно: «Мое чтение отрывков из “Ариона” записали на “Репортер” и будут передавать по местному радио, и газета попросила отрывок из романа <…> к 165-летию со дня рождения Пушкина. Вообще из меня делают местную знаменитость, и мне это глубоко противно. <...> Единственное, на что я согласился – это прочитать спецкурс по Пушкину. Но начальство хочет придать этим чтениям широкий характер, я же предпочел бы беседовать с небольшой, но квалифицированной аудиторией» [1] (из письма Л.Г. Бать от 9.05.1964).

При этом интерес молодых литераторов, студенчества к Виктору Азриэлевичу легко объясним не только его постоянной готовностью помочь дружеским советом, но и обширными знаниями о культуре Серебряного века. И.А. Подольный, например, вспоминал: «Виктор Азриэлевич рассказчиком был отменным. А его феноменальная память хранила массу интереснейших подробностей общественной и литературной жизни эпохи, десятки и сотни имен и судеб, о которых наше поколение из официальных источников и знать не могло. Например, еще в пятидесятых годах я с удивлением узнал от Виктора Азриэлевича о русской поэтессе Кузьминой-Караваевой, с которой он был лично знаком, услышал ее интересные стихи» [7, с. 9–10].

Оживали в этом общении с молодежью и другие поэтические имена. Об этом свидетельствуют черновики В.А. Гроссмана, его эпистолярные размышления. Понимая, что сил у него может не хватить на обширные исследования по современной поэзии, он намеревается создать хотя бы очерк о лирическом творчестве Ильи Сельвинского и уговаривает Л.Г. Бать: «Отчего тебе не написать большой сводной книги о поэтах нашего дня: об их индивидуальностях, исканиях, ошибках, достижениях, месте в литературе, о том значительном и новом, что они дают и о тех прохоженных путях, на которых они порой бесплодно топчутся. Теперь уж можно говорить и об условиях, в

которых протекало их творчество» [1] (из письма к Л.Г. Бать от 30.10.1956). И в том же письме добавляет: «Если бы я был помоложе и не был занят Пушкиным и его веком, я написал бы курс лекций о поэзии 20-го века. Путь от Брюсова, Бальмонта, Вяч. Иванова, М. Волошина и Блока до Твардовского и Долматовского – необычайно сложен и увлекателен» [1].

Такая широта замыслов и интересов, такое разнообразие тем и направлений в художественной словесности и науке были способами отстоять свою творческую свободу и преодолеть границы своей эпохи. В пушкинской многогранности Виктор Азриэлевич находил залог бессмертия поэта и всегда чувствовал Пушкина своим современником, а себя его защитником. Ошибки, сомнения, неудачи творческих людей и собственное понимание жизненного пути В.А. Гроссман объяснил и оправдал так: «Можно ошибаться, если есть цель и к ней проложена одна дорога. Узкий проселок будет ошибочным. Но если я вышел, чтобы ознакомиться с местностью (с миром, с вселенной), тогда всякий шаг мой обогащает меня знанием и нет конечной цели и нет конца исканиям и познанию» [5, л. 1] (из письма к И.Л. Сельвинскому от 12.11.1959).

Оглядываясь назад, Виктор Азриэлевич писал: «И в адвокатуре, и в высшей школе я занимал далеко не последнее место и был вполне равнодушен и к аплодисментам и к другим формам успеха. Я видел свою пьесу на сцене московского театра, я держал в руках свою книгу, и это не делало меня счастливым. <…> Я писал очень много, а печатал едва десятую часть написанного. <…> А судить меня будет читатель и будущий историк» [1] (из письма к Л.Г. Бать от 8.05.1960).

Преподаватель, писатель, литературовед, пушкинист В.А. Гроссман, на протяжении двадцати пяти лет связанный с Вологдой, ушел из жизни 12 ноября 1978 г. Официальная комиссия по его литературному наследию была создана, но деятельность ее не дала результатов. Однако нашлись энтузиасты, сохранившие рукописи, память о встречах с В.А. Гроссманом и рассказавшие о его судьбе. Так началось возвращение незаслуженно забытого автора.

На данном этапе участниками проекта «Неизвестный Гроссман», поддержанного грантом президентского фонда культурных инициатив (ПФКИ-22-2-007242), осуществляется подготовка издания избранных сочинений В.А. Гроссмана. Цель проекта – открыть это имя филологам, историкам, юристам, театроведам, исследователям мировой и художественной культуры и литературы XX века, познакомить с поистине уникальной личностью ученого и художника слова, с его творческим наследием, обращенным к поколениям внуков и правнуков.

Литература

1. Выдержки из писем В. А. Гроссмана к Л. Г. Бать. Присланы Е. В. Титовой Р. С. Войтеховичем, автором-составителем книги «Ариадна Эфрон. Нелитературная дружба: Письма к Лидии Бать» (Москва: Собрание; Дом-музей Марины Цветаевой, 2018), электронным письмом 01.01.2021.

2. ГАВО. Ф. 4775. Оп. 5. Ед. хр. 10. Л. 20.

3. ГАВО. Ф. 4775. Оп. 2. Ед. хр. 5. Л. 78, 95.

4. Гроссман, В. А. Предисловие (к «Этюдам о Пушкине»). Машинописная рукопись. 3 с. Предоставлена авторам проекта «Неизвестный Гроссман» дочерью писателя О. В. Финкель 10.12.2021.

5. РГАЛИ. Ф. 1160. Оп. 1. Ед. хр. 216. Л. 1.

6. Мазур, В. А. Подвиг любви. К 120-летию со дня рождения Михаила Алексеевича и Ольги Васильевны Сиговых / В. Мазур. – URL: https://www.bibl-krasnoufimsk.ru/index.php/73-krasnoufimsk-literaturnyj/personalii/aleksej-sigov/499-podvig-lyubvi (дата обращения: 21.12.2022). – Текст : электронный.

7. Подольный, И. А. Виктор Азриелевич Гроссман (1887–1978) / И. А. Подольный // Гроссман В. А. Еврейская попадья. Из книги «Этюды о Пушкине». – Вологда, 2002. – С. 3–17.

8. Шайтанов, И. Там, где звучит история: прогулки по Вологде / И. Шайтанов // Театральная жизнь. – 2002. – № 2. – С. 29 –31.

E.V. Titova

WRITER AND LITERARY CRITIC VIKTOR AZRIELEVICH GROSSMAN (1887–1978): VOLOGDA PERIOD IN HIS LIFE AND CREATIVE WORK

The article presents the main periods of the creative activity of Vologda Pushkin scholar, literary critic and writer Viktor Azrielevich Grossman. It contains characteristics of his heritage, social circle, ideological positions, methods of studying Pushkin's works, the history of the creation of the novel «Arion» and «Etudes about Pushkin» and indicates the need to publish selected works of this author.

Grossman, Victor, Vologda, Pushkin, Pushkin, sketches, manuscripts, writer, literature.